

Фу Цзинь вздохнула: "Третий брат боится испугаться, хозяин, почему бы вам сначала не отпустить ребенка отдохнуть. Чепуху ребенка нельзя воспринимать всерьез. Му ши, ты тоже скажи что-нибудь".

Му Чжин очень хотел плюнуть в лицо Фу Чжин.

Это добродетельное лицо действительно не боится быть отвратительным!

Му Цзинь горько смеялся и нежно вздохнул: "Фу Цзинь, ты слишком много смотришь свысока на раба своего, в этот момент, где раб, чтобы говорить?".

Дай ей поговорить? Позволить ей сказать что? Хотя третий брат - ребенок, но эти слова из его уст, очевидно, кто-то учил.

Почему она должна улыбаться и говорить "Все в порядке", когда ее обманывают и ругают?

Четвертый человек не подхватил слова Фуцзин и повернул голову, чтобы посмотреть на Гао Мина, который уже испугался и лежал на коленях, и чихнул: "Хороший, очень хороший, действительно хороший раб хозяина! Так ты служишь третьему ах-деду, когда Господь доверил его тебе?"

Когда я увидел его в первый раз, я подумал, что было бы неплохо взглянуть на него.

"Проверка", - холодно сказал Четвертый Мастер, - "Дай мне объяснение в течение дня, а потом я с тобой все улажу!"

"Да, да!" Гао Мин запаниковал и наклонился: "Спасибо, хозяин"!

Пухлые глаза Гао Мина подхватили прикосновение безжалостности, скажите ему, чтобы узнать, какой маленький ребенок жевал язык и говорил эти глупые слова перед Третьим Братом, посмотрим, если он не обнажает свою кожу!

Четвертый сын снова посмотрел на третьего брата, его лоб бороздил.

Когда я увидел его в первый раз, я был в состоянии шока и паники, и я подсознательно пытался встать позади него.

Сердце четвертого сына внезапно вспыхнуло от раздражения.

Это просто... как он похож!

"Если ты когда-нибудь позволишь Учителю услышать из твоих уст грязные, неряшливые слова, посмотрим, что я с тобой сделаю!"

"Никто не вредит твоему лбу, твой лоб сделал что-то не так и заслуживает наказания". Все в этом доме одинаковые, в том числе и ты, кто сделал что-то не так и должен быть наказан!".

"Ты говоришь сейчас, только что, что Магга толкнул тебя? Скажи!"

Третий брат опять отстранился от страха, не осмеливаясь взглянуть на Четвертого Хозяина.

Но Четвертый Хозяин не собирался портить его, "Говори!"

Третий брат был так напуган, что плотно схватился за рукав Кинжала и ничего не сказал.

Кинжал был мягким и не мог не умолять, "Амма"...

"Ничего не говори", - с гневом и разочарованием увидел Четвертый Мастер, - "нет? Если я узнаю, ты можешь встать на колени в буддийском храме. Не есть!"

Третий брат открыл нос и мурлыкал губами, желая заплакать, но не осмеливаясь, из страха быть отруганным своей амой. Большие слезы сильно падали.

Дагедж нежно похлопал его по спине и прошептал: "Говорите..."

Третий Брат Ах громко заплакал и бросился на Кинжал: "Нет, нет! Суууууууу..."

Четвертый принц схватил его и холодным голосом сказал: "Скажи еще раз, скажи ясно, подтолкнул ли тебя Му Гэ Ге".

Третий брат закричал: "Нет, нет! Sooooo, Mu Gege, не толкали меня sooooo..."

"Ты не учишься в юном возрасте, ты выучил все трюки, возбуждающие сознание сброды на этом заднем дворе!" Два храма четвертого человека прыгнули, ненавидя железо и сталь, чтобы отшлепать его, глядя на сторону толпы людей, трепещущих от страха.

Четвертый, сделавший глубокий вдох, посмотрел на Гао Мина, стоящего на коленях:
"Поднимайся, возьми с собой третьего и отпусти его на задний двор с завтрашнего дня!
Скажите мастеру Лю в кабинете, чтобы он дал ему больше домашнего задания, а писать тоже - забудьте об этом, уезжайте завтра!".